

УДК 81'27

Хухуни Г.Т., Осипова А.А.

(г. Москва)

ИЗ ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ АНГЛИЙСКОЙ БИБЛИИ: ПОЛЕМИКА МЕЖДУ КАТОЛИКАМИ И ПРОТЕСТАНТАМИ О ПЕРЕВОДАХ СВЯЩЕННОГО ПИСАНИЯ

Аннотация. Статья посвящена малоизвестным отечественному читателю аспектам создания английской Библии в XVI – начале XVII столетия (до появления Библии короля Иакова). Отмечается, что если первоначально католики часто отрицали саму допустимость передачи Священного Писания на «вульгарный» (в данном случае английский) язык, то в эпоху Реформации речь шла уже, главным образом, о противопоставлении «правильных» версий «искажённым». Особое внимание уделяется полемике между Томасом Мором и Уильямом Тиндейлом, а также позиции создателей католической Дуэйско-Реймсской Библии (1582–1610).

Ключевые слова: Священное Писание, перевод, протестантский, католический, Дуэйско-Реймсская Библия, Библия короля Иакова.

G. Khukhuni, A. Osipova

(Moscow)

FROM THE HISTORY OF THE ENGLISH BIBLE: THE POLEMICS BETWEEN CATHOLICS AND PROTESTANTS ABOUT THE HOLY WRIT TRANSLATIONS

Abstract. The paper deals with some aspects of the creation of the Bible text in English in the 16th – the beginning of the 17th centuries (before the appearance of King James's Bible). These aspects are unfamiliar to the Russian readers. It is mentioned that, initially Catholics often denied even the possibility of interpreting the Holy Writ into «vulgar languages» (in this case into English), whereas during the Reformation period the main point of the discussion was the opposition of the «correct» and «corrupted» translations. The authors paid special attention to the polemics between Sir Thomas More and William Tyndale, as well as to the viewpoint of the creators of the Catholic Douai-Rheims Bible (1582–1610).

Key words: the Holy Writ, translation, protestant, catholic, the Douai-Rheims Bible, King James's Version.

В трудах по истории перевода и переводческой мысли часто вспоминают слова Эдмона Кари о том, что Реформация была, в конечном счёте,

«диспутом между переводчиками». Разумеется, как и любой афоризм, это изречение, вероятно, характеризуется некоторой односторонностью (все-таки, большинство тех, кто участвовал в бурных событиях, происходивших в Европе в XVI – XVII столетиях, переводами не занимались). В данном случае можно было бы вспомнить высказанное, правда, по другому поводу ироническое замечание видного отечественного исследователя Ю.Д. Левина: «Переводчику представляется, что перевод есть чуть ли не высшая форма человеческой деятельности» [4, с. 390]. Однако на ту роль, которую сыграли переводы Священного Писания в подготовке и осуществлении Реформации, и на их значение для формирования различных направлений протестантизма многократно указывали и историки, философы, культурологи, которых никак нельзя упрекнуть в «профессиональной узости взгляда» [4, с. 390]. Так, при рассмотрении деятельности Мартина Лютера и его сподвижников подчёркивается, что они «поставили немецкое Писание в центр обязанностей прихожанина-нововерца: он должен был внимательно слушать проповедь на слова Библии, петь её стихи и непременно читать и учить её дома... Католическая церковь... не спрашивала никакого образования с мирян. Они ведь были просто зрителями и слушателями мессы, совершавшейся «за них и ради них». Богослужение лютеранское по самой своей сути нуждалось в грамотном прихожанине, который читает, помнит и толкует библейский текст» [6, с. 265].

Хотя версии Священного Писания на «вульгарных наречиях» появлялись задолго до начала Реформации, о диспуте между *переводчиками* в собственном смысле слова говорить можно было лишь с очень большими оговорками. Ведь спор (аргументом в котором со стороны католической ортодоксии нередко служил костёр) шёл не столько о принципах и способах передачи Священного Писания на народные языки, сколько о самой его допустимости. В связи с этим часто вспоминают изданный в 1485 г. одним из виднейших представителей немецкого католицизма эдикт, вообще запрещавший переводы любой религиозной литературы на немецкий, даже если переводчики движимы вполне благочестивыми намерениями. Видимая «бедность» родного языка по сравнению с греческим и латинским неизбежно приведёт их к необходимости «изобретать» новые выражения или «заимствовать» значения у древних авторов и тем самым исказить священные тексты: «Diese Übersetzer nun, ob sie in gutem oder schlechtem Glauben handeln, können nicht behaupten, daß die deutsche Sprache fähig sei, das genau wiederzugeben, was jene ausgezeichneten griechischen und lateinischen Autoren mit der sorgfältigsten Genauigkeit des Ausdrucks und der vollsten Kenntnis des Gegenstandes über die erhabenen Spekulationen des christlichen Glaubens geschrieben haben; sie müssen vielmehr einräumen, daß die Armut unserer

Sprache ihre Bemühungen vereitelt und daß sie aus diesem Grunde gezwungen sind, ihr Hirn zur Erfindung neuer Ausdrücke zu martern, oder bei einzelnen alten Schriftstellern den Sinn zu entstellen, was Wir wegen der damit für die heiligen Schriften verbundenen Gefahr noch mehr fürchten, denn Wir besorgen sehr, daß, wenn sie nur die alten gebrauchen, sie den Inhalt der geoffenbarten Wahrheit ändern, woraus eine ungeheure Gefahr für die heiligen Schriften entsteht» [13].

Следует отметить, что сама по себе ссылка на «бедность» и «неспособность» родного языка отнюдь не свидетельствовала о какой-то особой «реакционности» и «ретроградстве» автора процитированных слов, архиепископа Бертольда Майнцского, по замечанию одного из протестантских теологов XIX в., «в прочих отношениях учёного и просвещённого прелата» [8, с. 214]. О том, что немецкий язык «лишён искусства и правильности», писал в этот же период и много занимавшийся переводами античных авторов один из видных представителей раннего немецкого гуманизма Никлас фон Виле, объясняя присущий своим версиям буквализм [1; 3].

С появлением протестантских переводов (в первую очередь, лютеровского, который читали «даже сапожники, женщины и другие необразованные миряне» [1, с. 51]) ситуация изменилась коренным образом: представителям католического лагеря волей-неволей пришлось действительно вступить в упомянутый «переводческий диспут» и попытаться противопоставить «еретическим» переводам «правоверные». Впрочем, как известно, ни превзойти, ни даже хоть в какой-то степени сравняться по популярности с Библией Лютера этим переводам не удалось, о чем не без сарказма напомнил и сам её создатель в своем знаменитом «Послании о переводе». Пожалуй, единственной немецкой версией Священного Писания, составившей «конкуренцию» труду Лютера, стала Цюрихская Библия, создание которой связано, прежде всего, с именем другого деятеля Реформации, чьи отношения с Лютером были весьма непростыми – Хульдриха Цвингли (подробнее см. [7]).

В Англии, как известно, Реформация имела ряд особенностей. При чем, по своеобразной иронии судьбы, её «официальное» начало оказалось связанным с именем монарха, до того зарекомендовавшего себя яростным борцом с «еретиками» и заслужившего как раз за свою полемику с Лютером от папы титул «Defensor Fidei» («защитник веры»), который его преемники носят до сих пор. Однако в интересующей нас области можно отметить моменты, во многом аналогичные тому, что происходило на континенте.

Сначала, в полном соответствии с «генеральной линией» римской курии, преобладало стремление к тотальному подавлению попыток перевода Священного Писания. Первоначальным его объектом стала, естественно, созданная в XIV столетии Библия Джона Уиклифа. Здесь чаще всего вспо-

минают архиепископа Кентерберийского Томаса Арундела. Одна из его «конституций» запрещала «добрым католикам» вообще знакомиться с каким-либо трудом Уиклифа, которого почтенный прелат именовал не иначе, как «негодный и подлый человек, проклятой памяти Джон Уиклиф, отродье древнего змея, истый вестник и исчадь антихриста» [2], если на то не будет дозволения назначенной самим же Арунделом комиссии («*Ne quis libellum vel tractatum aliquem Jo. Wicliff legat, antequam examinetur*»), которая ставила вне закона любую попытку создать версию Священного Писания на английском: «*Ne quis texta S. scripturae transferrat in linguam Anglicanam*».

Заслуживает, на наш взгляд, внимания аргументация Арундела: перевод Священного текста – вещь вообще опасная, ибо невозможно сохранить полностью смысл оригинала, передавая его на другом языке. Причем, как подчеркивает архиепископ, не избежал ошибок в подобном предприятии, по его собственному признанию, даже сам блаженный Иероним, хотя его труд и был вдохновлён свыше: «*Periculosa quoque res est, testante beato Jeronimo textum sacrae scripturae de uno in aliud idioma transferre, eo quod in ipsis translationibus non de facili idem in omnibus sensus retinetur, prout idem beatus Jeronimus, etsi inspiratus, fuisset, se in hoc saepius fatetur errasse...*» [16, с. 317]. В конце обеих «конституций» содержится весьма злоещее предупреждение тем, кто нарушит указанный запрет, грозящее им карой за пособничество ереси: «*Qui contra fecerit, ut fautor haeresis et erroris similiter puniatur*» [16, с. 317].

Столетие спустя, когда Англия уже находилась в преддверии Реформации, вступили в полемику Уильям Тиндейл и Томас Мор. Говоря (естественно, в весьма негативном тоне) о деятельности своего оппонента (которого он не без оснований сравнивает с Лютером), Мор ссылается, в частности, и на доводы переводческого характера, уличая Тиндейла (другой вопрос, насколько справедливо) в неверной передаче тех или иных фрагментов Нового Завета: «*Which whoso calleth the New Testament calleth it by a wrong name, except they will call it Tyndale's testament or Luther's testament. For so had Tyndale, after Luther's counsel, corrupted and changed it from the good and wholesome doctrine of Christ to the devilish heresies of their own, that it was clean a contrary thing*» [19, с. 70].

Однако разница между автором Утопии и его предшественником архиепископом очевидна. Арундел, как мы видели выше, вообще считал создание английской Библии ересью. Позиция Томаса Мора принципиально иная. Он не видит причин, по которым Библия на родном языке не может быть создана («*can I see no cause why the... clergy should keep the Bible out of laymen's hands, that can no more but their mother tong*» [19, с. 77]), и решительно заявляет себя ее сторонником: «*I am full and whole of your mind in this matter that the Bible should be in our English tongue*» [19, с. 79].

Более того, с присущей ему иронией английский гуманист резонно замечает, что довод о недопустимости излагать Священное Писание «вульгарным» (т.е. живым, народным) языком в полной мере может быть отнесен и к входящим в сакральную триаду идиомам, которые были в свое время столь же «вульгарными», как и английский. Кроме того, если само по себе чтение Библии способно спровоцировать еретические заблуждения, то, пожалуй, пришлось бы запретить знакомство с ней всем и каждому (включая и ученых людей) на любом языке: «For neither was the Hebrew nor the Greek tongue nor the Latin neither, any other speech than such as all the people spake. And therefore, if we should lay that it were evil done to translate the scripture into our tongue, because it is vulgar and common to every Englishman, then had it been as evil done to translate it into Greek, or into Latin, or to write the New Testament first in Greek, or the Old Testament in Hebrew, because both those tongues were as very vulgar as ours... So that if we should for fear of heretics that might hap to grow thereby keep the scripture out of any tongue, or out of unlearned men's hands, we should for like fear be fain to keep it out of all tongues, and out of learned men's hands too, and wot not whom we might trust therewith» [19, с. 84].

Не согласен Томас Мор (большинство своих произведений, включая «Утопию», писавший, как и подобает гуманисту своего времени, на латыни) с тезисом о «варварстве» и «бедности» английского языка, якобы препятствующим репрезентации на нём глубоких истин Священного Писания. С одной стороны, он ссылается на то обстоятельство, что «варварским» представляется любой язык, которым человек не владеет; с другой – что лексический запас английского языка вполне достаточен для общения на любые темы. Что касается возможных языковых или стилистических потерь при межъязыковой передаче, то с этим сталкивались и переводчики с еврейского и греческого на латынь (ср. приведённую выше «конституцию» Т. Арундела): «For as for that our tongue is called barbarous, is but a fantasy. For so is, as every learned man knoweth, every strange language to other. And if they would call it barren of words, there is no doubt but it is plenteous enough to express our minds in anything whereof one man hath used to speak with another. Now as touching the difficulty which a translator findeth in expressing well and lively the sentence of his author, which is hard alway to do so surely, but that he shall sometime minish either of the sentence or of the grace that it beareth in the former tongue, that point hath lain in their light that have translated the scripture already either out of Greek into Latin or out of Hebrew into any of them both, as by many translations which we read already to them that be learned appeareth» [19, с. 84].

Следовательно, заключает автор процитированных слов, решение вопроса надо искать не в тотально-запретительных мерах, а в подборе таких переводческих кадров, чья католическая благонадёжность находится вне

сомнений, с одной стороны, и соответствующем надзоре со стороны церковных властей над процессом создания перевода и его чтения – с другой: «For it might be with diligence well and truly translated by some good catholic and well learned man, or by diverse dividing the labour among them, and after conferring their several parts together each with other. And after that might the work be allowed and approved by the ordinaries, and by their authorities so put unto print, as all the copies should come whole unto the bishop's hand. Which he may after his discretion and wisdom deliver to such as he perceiveth honest, sad and virtuous, with a good monition and fatherly counsel to use it reverently with humble heart and lowly mind, rather seeking therein occasion of devotion than of disputation» [19, с. 88].

В свою очередь, У. Тиндейл, отвечая прославленному оппоненту, отстаивал свои переводческие решения (в частности, передачу в Новом Завете греческого *ecclesia* через *congregation* (собрание) вместо традиционного *church* (церковь), *elder* (старейшины) вместо *priest* (священник) и др.). Приводя ряд аргументов, он ссылаясь вместе с тем на латинскую версию Эразма Роттердамского (которую сам Томас Мор отстаивал от нападков некоторых «неистовых ревнителей» католической ортодоксии), а также на сам текст Вульгаты, который, если руководствоваться доводами автора «Утопии», тоже придется признать еретическим: «But how happeth it that Master More hath not contended in like wise against his darling Erasmus all this long while? Doth not he change this word *ecclesia* into *congregation* and that not seldom in the New Testament?... And in that he maketh heresy of it, to call *presbyteros* an *elder*, he condemneth their own old Latin text of heresy also, which they use yet daily in the church and have used, I suppose, this fourteen hundred years» [19, с. 126 – 127].

Говоря о принадлежащих Томасу Морю переводах фрагментов Священного Писания с латинской Вульгаты (как предшествовавших деятельности Тиндейла, так и выполненных после знакомства с его трудом), многие исследователи акцентируют внимание на том, что, будучи решительным противником последнего в религиозно-теологическом отношении, Томас Мор во многом сближался со своим антагонистом в лингво-переводческом плане: «...He translates from the Vulgate and is influenced by its vocabulary and word-order, but in the main his English is homely and racy like that of Tyndale... R.W. Chambers... concludes, that «they both write the same English!» [12, с. 155].

Так или иначе, но спор между двумя крупнейшими деятелями английской культуры разрешился, как известно, трагическим парадоксом. «До конца жизни Тиндейл занимается переводом Ветхого Завета, однако закончить его не успеваает. В 1535 г. он арестован в Антверпене и в 1536 г. казнен через душение и сожжён. «Господи, открой глаза королю Англии!» – были его последние слова. А ещё раньше мученической кончины Тиндейла, летом 1535 г. принимает мученичество и его главный гонитель лорд-канцлер Томас Мор,

обезглавленный за непризнание канонически невозможного развода короля Генриха VIII и последовавшего разрыва Англии с Католической Церковью. Томас Мор причислен к лику святых Католической Церковью. Уильям Тиндейл по праву вошёл в историю как «отец английской Библии». Что же до короля Генриха VIII, спустя всего лишь три года после казни Тиндейла он финансирует издание первой официальной английской Библии! [5].

С этого времени английская Реформация действительно в значительной степени принимает характер «диспута между переводчиками». Подробное его рассмотрение, естественно, не входит в наши задачи, тем более что этому вопросу посвящено достаточно много исследований. Остановимся вкратце только на двух версиях Священного Писания, полемически направленных друг против друга и сыгравших выдающуюся, хотя и не одинаковую роль в истории библейского перевода.

Как известно, английский протестантизм был крайне неоднороден, и взаимоотношения между различными его течениями (от официального англиканства до фанатичного пуританства) были весьма непростыми. Однако объединяло их, естественно, резко негативное отношение к католической партии, приверженцев которой упрекали, с одной стороны, в том, что они извращают Священное Писание, а с другой – не предпринимают никаких попыток сделать его доступным своим соотечественникам, ограничиваясь лишь хулой на тех, кто несет людям «слово Божие», и упрекая их в мнимых переводческих искажениях. Так, создатели официальной «Епископской Библии» (Bishops' Bible), вышедшей в свет в 1568 г., писали в предисловии к своему труду: «It were to long to bryng in many examples, as may be openly founde in some mens wrytynges in these dayes, who would be counted the chiefe pillers of the Catholique fayth, or to note how corruptly they of purpose abuse the text to the comoditie of their cause. What maner of translation may men thinke to looke for at their handes, if they should translate the scriptures to the comfort of Gods elect, whiche they neuer did, nor be not like to purpose it, but be rather studious only to seeke quarrels in other mens well doynge, to picke fault where none is: and where any is escaped through humaine negligence, there to crye out with their tragicall exclamations, but in no wyse to amende by the spirite of charitie and lenitie, that whiche might be more aptly set» [15].

Своего рода ответом на этот протестантский упрёк стало создание во Франции так называемой Rheims–Douai Bible (Реймско-Дузэйской Библии) 1582 – 1610 гг., вдохновителем и главным творцом которой был Грегори Мартин, убеждённый католик, считавший протестантские переводы Библии искажением Священного Писания и не видевший особой разницы между различными «еретическими» направлениями («Heretics... be always like Heretics, and howsoever they differ in opinions or names, yet in this point

they agree, to abuse the Scriptures for their purpose by all means possible» [14]), Мартин организует и осуществляет со своими единомышленниками перевод Нового, а затем и Ветхого Завета с католической Вульгаты.

Не останавливаясь подробно на анализе названной версии, отметим следующие моменты. Во-первых, как подчеркивает их создатель, его предприятие носит во многом вынужденный характер. Не разделяя «ошибочного мнения» о принципиальной необходимости существования Священного Писания на родном языке («erroneous opinion of necessity, that the Holy Scriptures should always be in our mother tongue»), он объясняет необходимость появления такого учётом специфики положения страны в данное время, вследствие чего приходится совершать действия, в других условиях ненужные и даже вредные для церковного мира («upon special consideration of the present time, state, and condition of our country, unto which diverse things are either necessary or profitable and medicinable now that otherwise, in the peace of the Church, were neither much requisite, nor perchance wholly tolerable»). Именно эти особые условия побудили католическую церковь отказаться от традиционного тотального запрета на подобную деятельность («Which causeth the Holy Church not to forbid utterly any Catholic translation») [10].

Во-вторых, объясняется причина, по которой, в отличие от протестантских переводов, предпочтение было отдано именно латинской версии, т.е. осуществлялся перевод с перевода. Она, согласно автору, заключается в том, что «евреи и еретики» исказили тексты на языках оригиналов, тогда как точный перевод на латынь имел место тогда, когда они являлись «более чистыми» (both the Hebrew and Greek Editions are foully corrupted by Jews and Heretics since the Latin was truly translated out of them, while they were more pure). При этом, правда, оговаривалось, что представленный в ней текст Translated from the Latin Vulgate был тщательно сверен с еврейским, греческим и другими языками («Diligently Compared with the Hebrew, Greek, and Other Divers Languages») [11].

В-третьих, установка на максимальное следование Вульгате самым непосредственным образом отразилась и на языковой стороне перевода, сделав его в ряде случаев достаточно сложным для обычного читателя. Стремление к буквальной передаче текста приводило к тому, что лексические единицы, для которых не обнаруживалось однозначного эквивалента, либо переносились в своем исходном виде, либо представляли собой «англизированные» латинские слова: Some of the Latin words did not have an exact English equivalent. In these cases, the word was either kept in its original form or “anglicized.” Some words were not changed at all» [17].

Это обстоятельство послужило мишенью для критики со стороны представителей протестантской переводческой традиции, отразившись, в

частности, и в предисловии к наиболее значимому её памятнику – знаменитой Библии короля Иакова, где порицается «темнота папистов», которые хотя и вынуждены под давлением обстоятельств переводить Священное Писание, но при этом они делают всё, чтобы сделать его непонятным: «We have shunned the obscuritie of the Papists, in their Azimes, Tunike, Rational, Holocausts, Præpuce, Pasche, and a number of such like, whereof their late Translation is full, and that of purpose to darken the sence, that since they must needs translate the Bible, yet by the language thereof, it may bee kept from being understood» [15].

Сами представители католического лагеря (для которых Реймско-Дуэйская Библия была основной до появления уже во второй половине прошлого века Иерусалимской Библии), естественно, смотрели на дело иначе. Да и в наши дни «точность» труда Грегори Мартина и его коллег противопоставляется позиции современных перелagateлей библейского текста, которые в погоне за «лёгкостью» языка не только отступают от него, но и элиминируют многозначность некоторых фрагментов, нарушая тем самым волю самого Духа Святого: «In their translation, the Douay-Rheims translators took great pains to translate exactly. Contrary to the procedure of the modern Bible translators, when a passage seemed strange and unintelligible they left it alone, even if obscure, and “let the chips fall as they may”. The modern Bible translators, on the other hand, will often look at an obscure passage, decide what they think it means, then translate in words that bring out that meaning. The result is that the English is usually (not always!) easier to understand, but it is not necessarily what the Bible says; rather, it is their interpretation and understanding of what the Bible says. Moreover, the Holy Ghost may have hidden several additional meanings in the passage. Those meanings may well be completely translated out!» [20].

Однако то обстоятельство, что в XVIII в. исконный текст Реймско-Дуэйской Библии подвергся существенной переработке, осуществлённой католическим епископом Ричардом Чалонером, причём переработка во многом осуществлялась под влиянием Библии короля Иакова («in nearly every case Challoner’s changes took the form of approximating to the Authorized Version» [9]), свидетельствует о том, что протестантская критика имела под собой определённые основания.

Литература:

1. Гухман М.М., Семенюк Н.Н., Бабенко Н.А. История немецкого литературного языка XVI–XVIII веков. М.: Наука, 1984. 248 с.
2. Данэм Б. Герои и еретики. Политическая история западной мысли // Библиотека Якова Кротова [Электронный ресурс]. URL: http://krotov.info/libr_min/05_d/an/em_11.htm (дата обращения: 02.11.2014).

3. *Копанёв П.И.* Вопросы истории и теории художественного перевода. Минск: Изд. БГУ им. В.И. Ленина, 1972. 296 с.

4. *Левин Ю.Д.* Об историзме в подходе к истории перевода // Мастерство перевода. М.: Советский писатель, 1963. С. 373–392.

5. *Прохорова Т.* Библии короля Иакова – 400 лет [Электронный ресурс] // Институт перевода Библии. URL: http://ibt.org.ru/russian/info/articles_kingjames_prokh.html (дата обращения: 03.11.2014).

6. *Соловьёв Э.Ю.* Непобеждённый еретик: Мартин Лютер и его время. М: Молодая гвардия, 1984. 288 с.

7. *Хухуни Г.Т., Валуйцева И.И., Осипова А.А.* Лингвокультурные аспекты межъязыковой передачи библейского текста. М.: ИИУ МГОУ, 2014. 200 с.

8. *Шафф Ф.* История христианской церкви. Т. VII. Современное христианство. Реформация в Германии. СПб.: Библия для всех, 2009. 459 с.

9. Douay Bible [Электронный ресурс] // New Advent. The Catholic Encyclopedia. URL: <http://www.newadvent.org/cathen/05140a.htm> (дата обращения: 03.11.2014).

10. Douai-Rheims New Testament Introduction [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bombaxo.com/douai-nt.html> (дата обращения: 04.11.2014).

11. Douai-Rheims Old Testament Introduction [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bombaxo.com/douai-ot.html> (дата обращения: 04.11.2014).

12. Greenslade S.L. English Versions of the Bible, 1525–1611 // The Cambridge History of the Bible. The West from the Reformation to the Present Day. Edited by S.L. Greenslade. Cambridge University Press, 1976. P. 141–174.

13. *Kapp F., Goldfriedrich J.* Geschichte des Deutschen Buchhandels [Электронный ресурс]. URL: <http://www.zeno.org/Kulturgeschichte/M/Kapp,+Friedrich/Geschichte+des+deutschen+Buchhandels> (дата обращения: 31.10.2014).

14. Martin: A Discovery of the Manifold Corruptions of the Holy Scriptures, 1582 [Электронный ресурс]. URL: http://www.eclipseofthechurch.com/Library/Martin_Corruptions.pdf (дата обращения: 31.10.2014).

15. *Newth S.* Lectures on Bible Revision, with an Appendix Containing the Prefaces to the English Bible. London: Hodder and Stoughton, MDCCLXXXI [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gutenberg.org/files/42514/42514-h/42514-h.htm> (дата обращения: 01.11.2014).

16. The Arundelian Constitution of 1408 against the Lollards. From the edition of David Wilkins, Concilliae Magnae Britanniae et Hiberniae ab Anno MCCCL ad Annum MDXLV. Volumen Tertium. London 1737. P. 314–319.

17. The Douay-Rheims Bible [Электронный ресурс] // Aquinas and More Catholic Goods. URL: <http://www.aquinasandmore.com/catholic-articles/what-is-the-douay-rheims-bible/article/190/sort/relevance/productsperpage/12/layout/grid/currentpage/1/keywords/douay-rheims> (дата обращения: 05.11.2014).

18. The Holy Bible: Douay-Rheims [Электронный ресурс]. URL: <http://www.the-fishersofmenministries.com/Douay-Rheims%20Bible.pdf> (дата обращения: 04.11.2014).

19. The Thomas More / William Tyndale Polemic: A Selection Edited, with an introduction and notes by Matthew DeCoursey. Hong Kong Institute of Education // Early Modern Literary Studies. Texts Series 3, 2010. 236 p.

20. Why Should You Read Only the Douay-Rheims Translation of the Bible? [Электронный ресурс] // Catholic Statues. URL: <http://www.marianland.com/bible20.html> (дата обращения: 04.11.2014).